

ВЗГЛЯДЫ КИТАЯ И РОССИИ НА ГЛОБАЛИЗАЦИЮ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЮ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЕВРАЗИЙСКУЮ ИНТЕГРАЦИЮ

Вэйцзин ДАЙ
Пекинский университет

Аннотация: Великие державы играют важную роль в глобальных и региональных процессах. На фоне поворота западных стран к деглобализации Китай и Россия сохраняют приверженность ориентирам на экономическую глобализацию и реализуют свои идеи по продвижению евразийской интеграции. Цель данного исследования – сформулировать и сопоставить китайский и российский подходы к глобализации и регионализации и выявить влияние этих подходов на государственную политику двух стран в сфере евразийской интеграции. На основе сравнения официальных позиций и позиций экспертно-политического сообщества двух государств автор приходит к выводу, что, несмотря на некоторые различия в китайском и российском взглядах на глобализацию и регионализацию, у обеих стран общие позиции по двум важным аспектам: глобализация должна нести максимальный набор выгод для всего человечества, региональная интеграция не противоречит глобализации. В этом, по мнению автора, состоит основа сотрудничества Москвы и Пекина в евразийских интеграционных процессах, институтах и проектах – ШОС, ЕАЭС и ОПОП.

Ключевые слова: регионализация, глобализация, евразийская интеграция, Китай, Россия, Евразия

Введение

На сегодняшний день государства, компании и граждане разных стран в той или иной форме тесно связаны друг с другом. Происходит размывание границ между внутренней и внешней политикой государства, региональной и международной сферами. Китай и Россия являются участниками разноформатных процессов глобализации и одновременно членами многих региональных интеграционных объединений, в том числе на пространстве Евразии.

Вэйцзин Дай – кандидат политических наук, ассистент-профессор Школы международных отношений, Пекинский университет.

ORCID: 0009-0000-0840-0015. E-mail: daiweijing@pku.edu.cn
100871, Пекин, Китай, дорога Ихэюань, д. 5.

Поступила в редакцию: 05.06.2024

Принята к публикации: 12.10.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Евразийские интеграционные процессы многочисленны, но не все региональные группы и объединения одинаково эффективны. В наиболее успешных региональных интеграционных объединениях в Евразии заметной является роль Китая и России как локомотивов развития. Более того, две страны выражают намерение по координации своих политик в области региональной интеграции. Однако участие великих держав само по себе не обеспечивает эффективность интеграционных процессов, а сами великие державы не всегда способны достигать договоренностей об интеграционном сотрудничестве: требуются мотивированные, целенаправленные усилия обеих сторон. Таким образом, важный исследовательский вопрос – что является залогом успеха интеграционных проектов Китая и России и необходимым условием их сопряжения? В качестве таких условий исследователи зачастую называют традиционное влияние России в регионе (Ли, 2015), нарастающую экономическую мощь Китая и партнерские отношения двух стран. В данной работе мы детально проанализируем бытующие в Китае и России взгляды на глобализацию и регионализацию, предпримем попытку выявить, каким образом подходы двух стран влияют на евразийскую интеграцию. Выяснение данного вопроса способствует пониманию не только китайской и российской региональных стратегий, но и возможных направлений дальнейшего развития евразийской интеграции.

Диалектика глобализации-регионализации и позиции Китая и России

Глобализацию можно рассматривать в экономическом, культурном (социальном) и политическом измерениях. Экономическая глобализация означает переход от национальных экономик к глобальной экономике, в которой производство и рынок носят международный характер, а финансовые потоки перетекают из страны в страну. Культурная (социальная) глобализация в условиях неограниченного распространения информации делает возможным то, что культурные различия между нациями сглаживаются, а мобильность индивидов и общественных групп увеличивается. Символ политической глобализации – растущее значение международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН), Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирная торговая организация (ВТО) (Цыганков, 2014).

Глобализация меняет экономические и политические отношения между государствами и другими негосударственными акторами в международной системе. С одной стороны, глобализация открывает новые возможности для международного сотрудничества. С другой – вызывает международную конкуренцию, увеличивает риски из-за более тесной взаимосвязи между участниками: например, сегодня в условиях экономической глобализации степень и охват влияния экономического кризиса гораздо больше, чем сто лет назад. Ни одна страна не может в одиночку даже на национальном уровне справиться с критическими вызовами нашего времени, в том числе и страна со значительным экономическим потенциалом и динамикой роста.

Практически все государства мира, особенно развивающиеся, пытаются найти способы собственной адаптации к глобализации; одни выбирают для этого вступление в ВТО, другие пытаются утвердить некие выгодные им нормы и правила, а третьи – создать региональные (интеграционные) группы.

Сотрудничество государств может реализовываться на двустороннем, субрегиональном, региональном и трансрегиональном уровнях. Среди них региональная интеграция является наиболее распространенной и эффективной формой сотрудничества. Большинство региональных интеграционных объединений были созданы для реализации экономических целей. Региональные торговые соглашения (РТС) – это соглашения о свободной торговле, таможенные союзы, общие рынки в составе двух или больше стран (Goode, 2020: 426). По состоянию на 7 марта 2024 г., в мире насчитывается 365 активных РТС¹. Более развитую форму имеют региональные интеграционные соглашения (РИС) – двусторонние или региональные экономические соглашения, которые могут выходить за рамки РТС. Они, как правило, направлены на экономическую интеграцию на основании гармонизации различных национальных политик или принятия политик, направленных на достижение аналогичных результатов (Goode, 2020: 425).

Со времен мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. наблюдается устойчивая тенденция к деглобализации. Если глобализация представляет собой процесс увеличения взаимозависимости между странами, то деглобализация – процесс ослабления такой взаимозависимости (Witt, 2019). Во многих странах предприняты меры протекционизма, ограничение передвижения людей, регулирование потоков капитала и попытки ограничить доступ к информации (James, 2017).

Соотношение глобальных и региональных процессов касается двух моментов: динамики глобализации и регионализации, фактора деглобализации.

Во-первых, существует сложная связь между глобальным и региональным процессами. Мнения об их соотношении разделяются на две группы: противоречивость или совместимость двух процессов. В 1991 г. экономист Дж. Бхагвати задал известный вопрос: являются ли региональные торговые соглашения (РТС) «строительными блоками» или «камнем преткновения» Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ)? По мнению Бхагвати, региональные блоки становятся «камнем преткновения», если они предотвращают или замедляют снижение тарифов, и, наоборот, служат «строительными блоками», когда ускоряют или, по крайней мере, не препятствуют многосторонности (Bhagwati, 2014).

Этот вопрос начал многолетнюю дискуссию о соотношении между глобализацией и регионализацией, на вопросы которой до сих пор отвечают по-разному. Многие считают регионализм «приложением» для про-

¹ WTO (n.d.) Regional Trade Agreements Database. <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (accessed 7 March 2024).

цессов многосторонности (мультилатерализма), потому что участники региональной интеграции могут быстрее извлекать выгоды из регионализма, чем из многостороннего процесса. Другие полагают, что на самом деле многосторонние результаты просто требуют более продолжительного периода времени, чтобы стороны договорились (Goode, 2020: 425–426). Как справедливо указывает П. Катценштайн, глобализация и регионализация являются взаимодополняющими процессами, они происходят одновременно и усиливаются друг от друга, что в конечном итоге приводит к росту напряженности между экономическим регионализмом и экономической многосторонностью (Katzenstein, 1996).

Некоторые подчеркивают противоречивость двух процессов, в особенности негативное влияние регионализации на глобализацию. Региональная интеграция замедляет процессы глобализации, поскольку способствует развитию локализации и фрагментации из-за роста противоречивости глобализации и регионализации (Сопилко, Еремина & Мясникова, 2021). Следует отметить, что такое мнение становится менее распространенным среди ученых. На практическом уровне глобализация и регионализация не являются для государств бинарным выбором в пользу одного за счет другого.

Во-вторых, по мере того, как глобализация соединяет мировое сообщество, она также вызывает такие новые проблемы, как международный терроризм, транснациональная организованная преступность, торговля наркотиками и пр., которые стали «темной стороной глобализации» (Heine & Thakur, 2011; Talani & Rocca, 2019). На фоне деглобализации действительно наблюдается тенденция поворота к регионализму, режимам региональной безопасности и региональным торговым блокам (James, 2017). В данном случае региональные организации в той или иной степени смягчают влияние негативных эффектов глобализации (Langenhove & Scaramagli, 2011).

При рассмотрении деглобализации и поворота к регионализму американский профессор Г. Джеймс заметил, что движущими силами и глобализации, и деглобализации исторически были великие державы. Таким образом, черты обоих процессов неизбежно отражали внутренние политические приоритеты этих государств (James, 2017). В 1990-е гг. американский поворот от многосторонности к регионализму служил важным фактором развития региональных объединений, а президент Д. Трамп выступил против глобализации и многосторонних соглашений. В 2016 г. состоялся референдум о членстве Великобритании в ЕС, на котором победили сторонники Брекзита. США и Великобритания, одни из главных архитекторов мирового порядка после Второй мировой войны, стали, таким образом, и пионерами деглобализации. Это нужно иметь в виду при оценке взглядов и позиций незападных стран на процессы деглобализации.

Китай призывает к общедоступной и инклюзивной экономической глобализации. В видении Пекина это такой тип глобализации, который удовлетворяет общие потребности большинства стран, особенно развивающихся, и надлежащим образом устраняет возникающие в результате глобального

распределения ресурсов дисбалансы как между странами, так и внутри государств. На состоявшемся в Пекине в декабре 2023 г. Центральном рабочем совещании по вопросам иностранных дел было акцентировано: «Важно решительно противостоять деглобализации... решительно содействовать либерализации и упрощению процедур торговли и инвестиций... и продвигать экономическую глобализацию в более открытом, инклюзивном, общедоступном и сбалансированном направлении»². Данный принцип был также закреплён в первом Законе о внешних отношениях КНР³.

Аналогичным образом региональная экономическая интеграция является одним из магистральных направлений китайской внешней политики. Китай не только активно участвует во многих региональных интеграционных процессах, но и сам инициирует ряд новых механизмов регионального сотрудничества.

Россия рассматривает глобализацию иначе, фокусируясь преимущественно на ее негативных аспектах. В Концепции внешней политики РФ 2023 года указано, что «усиливается кризис экономический глобализации... злоупотребление отдельных государств своим доминирующим положением в некоторых сферах усиливает процессы фрагментации мировой экономики ... Россия намерена уделять приоритетное внимание адаптации мировых торговой и валютно-финансовой систем к реалиям последствий кризиса экономической глобализации». Иными словами, Россия рассматривает региональные и трансрегиональные механизмы в качестве ответа на кризис и внешнее давление, и одновременно поощряет отвечающие интересам России процессы региональной и межрегиональной экономической интеграции⁴.

Резюмируя, можно констатировать, что соотношение глобальных и региональных процессов носит диалектический характер, а любое дихотомическое деление не отражает полностью суть вопроса. Многие суждения исходят из предположения, что глобализация, как само собой разумеющееся, является самой развитой формой сотрудничества, что игнорирует те проблемы, в разрешении которых до сих пор трудно достигнуть консенсуса. «Закрытый регионализм» также не отвечает тенденции глобализации, а пересекающиеся региональные институты создают новые проблемы для глобального управления. Глобализация и регионализация – не единичное явление, а динамически изменяющийся процесс, направление развития которого зависит

² CGTN (2023) Центральное рабочее совещание по вопросам иностранных дел состоялось в Пекине. 29 декабря. Available at: <https://russian.cgtn.com/news/2023-12-28/1740343672213483522/index.html> (дата обращения: 21.07.2024).

³ *The National People's Congress of the People's Republic of China* (2023) The Law on Foreign Relations of the People's Republic of China. Available at: http://en.npc.gov.cn/cdAvailable at.cn/2023-06/28/c_898457.htm (accessed 21 July 2024).

⁴ *Министерство иностранных дел России* (2023) Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 21.07.2024).

от внешнеполитических и внешнеэкономических предпочтений большинства государств, особенно экономических гигантов. Для максимальной реализации национальных интересов государства должны одновременно участвовать в обоих процессах.

Китайская теория глобализма и регионализма

Исследование регионализма в Китае началось с середины 1990-х гг., его историю можно поделить на три периода: с 1991 г. по 2000 г., с начала XXI в. по 2010 г., с 2011 г. до сегодняшнего дня (Geng, 2023a). Развитие китайского регионализма тесно связано с участием Китая в региональном сотрудничестве. Важным событием были создание ШОС в 2001 г., когда Китай стал активнее реагировать на волну регионализма и постепенно трансформировать свою роль из рядового участника в инициатора новых проектов. Этот процесс требовал разработки региональной стратегии. Так, исследование регионализма в Китае стало обретать бóльшую практическую значимость. Именно с тех пор резко увеличилось количество научных работ по региональному экономическому сотрудничеству и региональной интеграции.

В последние годы китайские ученые сосредотачиваются на проработке десяти вопросов: старый и новый регионализм; взаимосвязь между регионализмом, глобализмом и национализмом; открытый регионализм; восточно-азиатское сообщество; сравнение европейского и азиатского регионализма; межрегионализм; восточноазиатский порядок; региональная институциональная сложность; региональные общественные блага; взаимосвязанность (Geng, 2023b).

Выяснение соотношения глобализма и регионализма имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для разработки политики Китая в глобальных и региональных процессах. Одни специалисты отмечают, что в то время как модель глобализации во главе с западными странами трудно адаптировать к всеобщим, стабильными сбалансированным условиям развития, модель экономического развития, возглавляемая западными странами, также постепенно приходит в упадок, а модель регионального сотрудничества и с широким участием развивающихся рыночных экономик играет все более важную роль (Xu & Fu, 2020). Другие исследователи подчеркивают, что сегодняшнюю глобализацию скорее было бы правильным называть реглобализацией (*re-globalization*). На этом фоне регионализация имеет три новых направления развития: переход сферы сотрудничества региональных организаций от экономики, политики к безопасности; ускорение экономической регионализации, которая сталкивается с проблемами, вызванными неполным распадом неолиберальной системы экономической глобализации; геополитическое вмешательство со стороны внерегиональных стран, которая препятствует дальнейшему развитию регионализации (Ван & Ли, 2022).

Это не означает, что региональные группы выступают против глобализации, но свидетельствует о том, что государства могут в коллективном формате противостоять негативным эффектам глобализации: в этом смысле

регионализм служит защитным механизмом для государства. С другой стороны, страны в региональных организациях ищут и апробируют новые механизмы координации, которые пока трудно достичь между всеми участниками международных отношений. Постепенно региональное сотрудничество может перейти на более высокий уровень – на трансрегиональный, и, как итог, на глобальный. С этой точки зрения регионализм не замедляет глобализм, а служит «экспериментальным полем» глобализации.

Резюмируя, рациональный консенсус китайских исследователей о взаимосвязи глобализации и регионализации состоит в том, что новый регионализм может не только служить основой и продвижением глобализации, но и повышать способность страны реагировать на вызовы, тем самым выступая в роли «моста» между страной и глобализацией. Соответственно, региональное управление, основанное на регионализме, будет реализовать легче и более эффективным способом, чем глобальное управление, что также поможет преодолеть дилемму глобального управления. При том что региональное, национальное и глобальное управление взаимосвязаны и однонаправлены, доминирующим направлением в китайской внешней политике будет именно региональное управление (Geng, 2023b).

Российская теория глобализма и регионализма

Важный вклад российских исследователей в изучение региональной интеграции заключается в двух аспектах. Во-первых, они дополняют теоретические исследования российской призмой и эмпирические исследования – опытом постсоветской интеграции. Во-вторых, они разрабатывают «геополитический вариант» региональной теории – неоевразийство.

В 1950-х гг. в советском руководстве начали обращать внимание на западноевропейские интеграционные альянсы, которые были восприняты как попытка «американского империализма» усилить свои геостратегические позиции (Шишков, 2006). Это во многом предопределяло идеологические рамки любых исследований интеграции в Советском Союзе. Кроме того, из-за дипломатического непризнания Европейского сообщества СССР советские учреждения не могли устанавливать прямых контактов с ним (Максимова, 2007). Все это составляло трудности для рождения российской теории интеграции. ИМЭМО РАН стал первой школой интеграционных исследований в СССР. Академик А.А. Арзуманян, директор ИМЭМО Академии наук СССР (1956–1965), писал, что «интеграция – это попытка "примирить" частнокапиталистическую форму хозяйства с переросшими национальные границы производительными силами» (Шишков, 2006). Группа ученых под его руководством, преодолевая стену трудностей, пыталась понять суть нового феномена и заложила основу для дальнейшего развития российской теории интеграции.

После распада Советского Союза Россия выбрала своим ориентиром преобразования по «западному образцу», стала активно вовлекаться в процессы и институты глобализации. С другой стороны, Россия противостояла полному принятию западных ценностей и адаптации нормативных идей

Запада в мировой политике – т.е. принимая глобализацию экономическую, отрицала «глобализацию ценностей» (Kochtcheeva, 2020). Это двойственное отношение России к глобализации совпадает с современным процессом «смены» глобализации регионализацией и продолжающимся расколом мира на противоборствующие военно-политические, финансово-экономические и технологические блоки (Тренин, 2022: 27). В обозримой перспективе преобладающая часть интеграционных усилий, полагают, будет предпринята скорее на региональном, чем на глобальном уровне (Загашвили, 2023).

Имеется достаточно широкое поле взаимодействия между возникновением т.н. неоевразийства и развитием региональных процессов (новый регионализм). Оба этих явления представляются ответной реакцией российской политики на натиск глобализации (Глинкина & Зевин, 2011: 51–66). В этом смысле неоевразийство можно рассматривать в рамках теории региональной интеграции и развития евразийской интеграции.

Неоевразийство появилось в конце 1980-х – начале 1990-х гг., оно стало очень популярным среди российских интеллектуалов середины 1990-х. В современной России выделились по крайней мере четыре группы евразийцев, которые можно классифицировать как «экспансионистов», «цивилизационщиков», «стабилизаторов» и геоэкономистов (Цыганков & Цыганков, 2006: 46–51).

Для «экспансионистов» Россия является культурно антизападным государством и империей, стремящейся к постоянному приращению территорий. По мнению А.Г. Дугина, только интеграция Евразии с Россией в качестве центра может гарантировать подлинную безопасность и суверенитет. При этом «дугинская Евразия» простирается далеко за пределы постсоветского пространства – на весь евразийский континент (Цыганков & Цыганков, 2006: 46–51).

«Цивилизационщики» склонны представлять Россию в качестве социально самодостаточного и культурно антизападного образования. Подобно «экспансионистам», «цивилизационщики» видят будущую Россию империей, но в более ограниченном смысле, как восстановление СССР. Такой позиции придерживаются коммунист Г.А. Зюганов и интеллектуал Н.А. Нартов. Евразийский проект А.С. Панарина также носит черту цивилизационно-культурного анализа и предполагает решение двух основных задач: восстановление целостности постсоветского пространства и восстановление «духовного тонуса» нации. Суть проекта для России состоит в развитии всесторонних контактов с Индией, Китаем, мусульманскими странами (Цыганков & Цыганков, 2006: 46–51).

«Стабилизаторы», как К.С. Гаджиев, настаивают на необходимости «стабилизации Евразии», а миссия России – преследовать цели политической стабилизации в Евразии. Для этого Россия должна стать лидером на постсоветском пространстве, развивать механизмы контроля и стабильности,

к примеру, систему коллективной безопасности. Для углубления внутренней стабилизации бывшего СССР стабилизаторы выступают за экономическую и военно-политическую интеграцию (Цыганков & Цыганков, 2006: 46–51).

Представителями геоэкономистов являются В.А. Колосов и Н.С. Мироненко. Они убеждены, что постсоветское пространство – место встречи различных геоэкономических потоков и Россия должна воспользоваться своим месторасположением в середине евразийского «хартленда». Отсутствие стратегии экономической интеграции чревато и опасностями внутреннего распада страны, поэтому Россия должна эффективно играть организующую роль в регионе.

Можно констатировать, что у неоевразийцев есть много общего по поводу региональной интеграции: все они выступают за евразийскую интеграцию (расходятся по географическому охвату «Евразии» от постсоветского пространства до евразийского континента); за политическую, экономическую и цивилизационную целостность евразийских государств; за лидерство России в этих процессах.

Несмотря на то, что трудно доказать прямое воздействие неоевразийства на принятие внешнеполитических решений России, некоторые исследователи и практики утверждают взаимосвязь между ними и оценивают внешнеполитический курс В.В. Путина как евразийский. М.И. Кротов считает евразийскую идею теоретической основой евразийской интеграции и интерпретирует ее как «взаимоотношения в рамках СНГ и с участием соседних государств», однако не соглашается с трактовкой евразийской идеи А. Дугина (Кротов, 2012).

Китай и Россия в евразийской интеграции

Китай и Россия за последние годы все более активно участвовали в многосторонних взаимодействиях на таких региональных площадках, как АТЭС, БРИКС и G20, и одновременно выдвигали новые интеграционные инициативы для евразийского региона. Евразийский регионализм включает в себя многие региональные механизмы, среди которых Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и «Один пояс, один путь» (ОПОП) заслуживают особого внимания для понимания влияния китайского и российского взглядов на глобализацию и регионализацию на практику.

Тандем Китай и Россия особенно важен в рамках ШОС. Вопрос о роли ШОС как региональной или международной организации отражает различные взгляды Китая и России на регионализм. Китай считает, что ШОС может играть свою роль как на региональном, так и на глобальном уровнях, но придает большее значение региональному аспекту. В выступлениях на Совете глав государств ШОС на протяжении многих лет представители Китая упоминали «региональный» чаще, чем «глобальный» и «международный», в особенности региональные вопросы, такие как «региональная безопасность» и «региональная экономика». Китайские ученые в целом также считают, что ШОС следует позиционировать как региональную организацию. Россия же,

судя по официальным позициям, надеется, что ШОС постепенно превращается в глобальную организацию. В Концепции внешней политики РФ 2023 года указано, что Россия «намерена уделять приоритетное внимание... укреплению потенциала и повышению международной роли межгосударственного объединения ШОС»⁵. Российские исследователи также считают, что ШОС является одним из быстро формирующихся центров многополярного мира (Лузянин и др., 2015).

Что касается ЕАЭС, по-прежнему множество интерпретаций вокруг целей России в создании данной организации: является ли ЕАЭС прежде всего экономической интеграцией, или имеют место политические и геополитические цели (Börzel & Risse, 2016: 210–212). А. Либман подходит к данному вопросу с точки зрения риторики. Само понятие «Евразия», которое сегодня используется для описания постсоветского регионализма, подчеркивает статус великой державы России и ее неизбежный антагонизм с Западом, оно приемлемо как для российских элит, так и для общественности. Для России регионализм – это прежде всего инструмент увеличения своего влияния, а лучший шанс добиться успеха в ЕАЭС – дистанцироваться от любой идеологической основы, представляя его как чисто технократическое предприятие, то есть «деполитизировать» евразийский регионализм (Libman, 2022).

Инициатива ОПОП была выдвинута в 2013 г., за свое десятилетнее существование она придала новый импульс развитию глобализации и регионализации. В Азии ОПОП ускоряет процесс глобализации и резонирует с различными инициативами регионализации из Центральной Азии в Юго-Восточной Азии (Mayer, 2018). С точки зрения формы глобализации ОПОП – это «инклюзивная глобализация», отличная от «неолиберальной глобализации». Во-первых, ОПОП подчеркивает роль государства и придает большое значение межправительственному сотрудничеству. Во-вторых, взаимосвязь инфраструктуры является важной целью ОПОП, которая обеспечивает в слаборазвитых районах надежную и доступную инфраструктуру, игнорируемую рынком капитала. В-третьих, ОПОП не позиционирует себя в качестве единственного пути развития для всех стран, а поощряет каждое государство найти собственный путь развития. В-четвертых, ОПОП не является закрытым блоком и инициатива открыта для всех интересующихся сторон на равной основе. В-пятых, ОПОП уважает культурную ценность и подчеркивает стремление к общему развитию, процветанию и миру на основе сохранения культурного разнообразия (Liu, Dunford & Gao, 2017). Со стороны регионализации Китай активно продвигает сопряжение ОПОП со стратегиями других участников инициативы, не намерен заместить или соперничать с ними.

⁵ Министерство иностранных дел России (2023) Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 21.07.2024).

По данным на август 2023 года, Китай подписал более 200 документов о сотрудничестве по инициативе ОПОП со 152 странами и 32 международными организациями⁶.

Актуальное соперничество между великими державами отражается в конкуренции между региональными группами, однако в эпоху глобализации закрытый блок не представляется «выгодным выбором» для развивающихся экономик. Между двумя потенциальными странами-лидерами могут быть отношения «восходящей державы» и «доминирующей державы». Для восходящих держав существуют три возможных модели влияния на эволюцию регионального порядка: 1) восходящая держава может интегрироваться в регионе в качестве подчиненной доминирующей державе; 2) восходящая держава может заменить доминирующую державу, стать новой единственной державой в регионе; 3) восходящая держава может работать вместе с доминирующей державой и другими странами (Gu, 2018). В евразийском пространстве для восходящей державы Китая и доминирующей державы России наиболее взаимовыгодным выбором является третий путь.

Заключение

История доказывает, что экономически успешные страны одинаково эффективно интегрируются как в процессы глобализации, так и в процессы регионализации, в то время как менее успешным странам не удастся участвовать ни в одном из двух процессов. Как отметил председатель Си Цзиньпин на встрече с президентом В. Путиным в мае 2024 года, Китай и Россия сделали общий стратегический выбор в пользу исторической тенденции формирования многополярного мира и экономической глобализации⁷. Несмотря на некоторые различия в китайском и российском взглядах на глобализацию и регионализацию, у них есть общие позиции по двум важным аспектам. Во-первых, глобализация должна быть максимально выгодной для всего человечества, во-вторых, региональная интеграция не противоречит глобализации. И в этом состоит основа сотрудничества двух стран евразийских интеграционных процессах. Рациональное разделение ролей России и Китая в евразийских интеграционных процессах максимально способствует реализации национальных интересов двух стран в пересекающихся проектах, созданию возможностей сотрудничества и снижению риска конкуренции.

⁶ 我国已与152个国家、32个国际组织签署共建“一带一路”合作文件。[Китай подписал документы о сотрудничестве со 152 странами и 32 международными организациями для совместного строительства «Пояса и пути».] 中国政府网。[Сайт Правительства Китая]. Available at: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202308/content_6899977.htm (accessed 21 July 2024).

⁷ 习近平同普京总统会谈。[Си Цзиньпин провел переговоры с Президентом РФ Владимиром Путиным] 人民日报。[Жэньминь жибао] 17 мая 2024 года, Available at: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-05/17/nw.D110000renmrb_20240517_1-01.htm (accessed 21 July 2024).

Список литературы

1. Байков А.А. (2012) *Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии*. М.: Аспект Пресс.
2. Глинкина С.П., Зевин Л.З. (2011) *Евразия в поисках идентичности*. СПб.: Нестор-История.
3. Загашвили В.С. (2023) Регулирование международной торговли: глобальный и региональный аспекты. *Российский внешнеэкономический вестник* (8): 22–32. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-8-22-32.
4. Кротов М.И. (2012) Евразийская идея – теоретическая основа евразийской экономической интеграции. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика* (12): 158–166.
5. Лузянин С.Г. и др. (2015) *Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014–2015: рабочая тетр. № 21/2015*. М.: Спецкнига.
6. Максимова М. (2007) К вопросу об отечественной теории интеграции. *Мировая экономика и международные отношения* (6): 104–113.
7. Сопилко Н.Ю., Еремина И.Ю., Мясникова О.Ю. (2021) Противоречивость глобализации и региональной интеграции в контексте интеграционных процессов ЕАЭС. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»* (3): 238–248. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-3-238-248.
8. Тренин Д. (2022) «Переиздание» Российской Федерации: Контуры внешней политики России для периода гибридной войны. *Россия в глобальной политике* 20(2): 27–33. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-27-33.
9. Цыганков А.П. (ред.) (2014) *Международные отношения и мировая политика: учебно-методический комплекс*. М.: РОССПЭН.
10. Цыганков А.П., Цыганков П.А. (2006) *Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий*. М.: Аспект Пресс.
11. Шишков Ю. (2006) Отечественная теория региональной интеграции. *Мировая экономика и международные отношения* (4): 54–63.
12. Шишков Ю. (2008) Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодополнение. *Мировая экономика и международные отношения* (8): 3–20.
13. Bhagwati J. (2014) *The World Trading System at Risk*. Princeton University Press (originally published in 1991).
14. Börzel T.A., Risse T. (eds.) (2016) *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.
15. De Lombaerde P. et al. (2010) The Problem of Comparison in Comparative Regionalism. *Review of International Studies* 36(3): 731–753. DOI: 10.1017/S0260210510000707.
16. Goode W. (2020) *Dictionary of Trade Policy Terms (Sixth Edition)*. Cambridge University Press.
17. Heine J., Thakur R. (eds.) (2011) *The Dark Side of Globalization*. Tokyo, New York, Paris: United Nations University Press.
18. James H. (2017) Deglobalization as a Global Challenge. *CIGI Papers* No. 135 – June 2017.
19. Katzenstein P.J. (1996) Regionalism in Comparative Perspective. *Cooperation and Conflict* 31(2): 123–159.
20. Kochtcheeva L.V. (2020) *Russian Politics and Response to Globalization*. Cham: Palgrave Macmillan.
21. Libman A. (2022) Does Integration Rhetoric Help? Eurasian Regionalism and the Rhetorical Dissonance of Russian Elites. *Europe-Asia Studies* 74(9): 1574–1595. DOI: 10.1080/09668136.2022.2120184.
22. Mayer M (ed.) (2018) *Rethinking the Silk Road: China's Belt and Road Initiative and Emerging Eurasian Relations*. Palgrave Macmillan.
23. Talani L.S., Roccu R. (eds.) (2019) *The Dark Side of Globalisation*. Palgrave Macmillan.
24. Van Langenhove L., Scaramagli T. (2011) Regional Integration as a Response to Globalization. Heine J., Thakur R. (eds). In: *The Dark Side of Globalization*. Tokyo, New York, Paris: United Nations Press, 191–207.

25. Witt M.A. (2019) De-globalization: Theories, Predictions, and Opportunities for International Business Research. *Journal of International Business Studies* 50: 1053–1077.
26. 耿协峰. [Гэн С.] (2023a) 中国地区主义研究30年. [30 лет исследований регионализма в Китае] *国际政治科学 [Международная политика]* 28(4): 54–86. DOI:10.16513/j.cnki.qjip.20221115.001.
27. 耿协峰. [Гэн С.] (2023b) 中国地区主义研究的十大争论及其进展. [Десять дискуссионных вопросов по исследованию регионализма и его развития в Китае] *清华大学学报 (哲学社会科学版) [Вестник Университета Цинхуа (Философия и общественные науки)]* 38(2): 168–182. DOI:10.13613/j.cnki.qhdz.003235.
28. 顾炜. [Гу В.] (2018) 中俄战略协作与欧亚地区秩序的演进. [Китайско-российское стратегическое партнерство и эволюция евразийского порядка] 北京: 中国社会科学出版社. [Пекин: Издательство общественных наук Китая]
29. 李永全. [Ли Ю.] (2015) 和而不同: 丝绸之路经济带与欧亚经济联盟. [Гармония при наличии различий: Экономический пояс шелкового пути и Евразийский экономический союз] *俄罗斯东欧中亚研究 [Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии]* (4): 1–6.
30. 刘卫东&Michael Dunford&高菠阳. [Лю В. & Dunford M. & Gao П.] (2017) “一带一路”倡议的理论建构——从新自由主义全球化到包容性全球化. [Теоретическая конструкция инициативы «Одного пояса, одного пути»: от неолиберальной к инклюзивной глобализации] *地理科学进展 [Прогресс в географии]* 36(11): 1321–1331. DOI: 10.18306/dlkxjz.2017.11.001.
31. 王栋&李安迪. [Ван Д. & Ли А.] (2022) 论百年变局下全球化与区域化的新发展趋势. [О новых тенденциях глобализации и регионализации на фоне глубоких перемен за столетие] *当代世界与社会主义 [Современный мир и социализм]* (4): 21–29. DOI:10.16502/j.cnki.11-3404/d.2022.04.003.
32. 王正毅主编. [Ван Ч. ред.] (2023) 反思全球化: 理论、历史与趋势. [Переосмысление глобализации: теории, история и тенденции] 北京: 社会科学文献出版社. [Пекин: Издательство литературы по общественным наукам]
33. 许佳&付争. [Сюй Ц. & Фу Ч.] (2020) 新冠肺炎疫情冲击下亚太地区区域化进程分析. [Анализ процесса регионализации в Азиатско-Тихоокеанском регионе под воздействием COVID-19] *亚太经济 [Экономика АТР]* (6): 17–21. DOI:10.16407/j.cnki.1000-6052.2020.06.002.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-3

CHINESE AND RUSSIAN PERSPECTIVES ON GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION AND THE IMPLICATIONS FOR EURASIAN INTEGRATION

Dr. Weijing DAI – Assistant Professor, School of International Studies, Peking University.
ORCID 0009-0000-0840-0015, E-mail: daiweijing@pku.edu.cn
No. 5 Yiheyuan Road, Beijing, China, 100871.

Received June 5, 2024

Accepted October 12, 2024

Abstract: Great powers play an important role in global and regional processes. In the context a shift towards deglobalization among Western countries, China and Russia are maintaining their positions on economic globalization and implementing their ideas to advance Eurasian integration.

The objective of this study is to analyze and compare the Chinese and Russian perspectives on globalization and regionalization, and to examine the implications for Eurasian integration. Based on a comparison of the official positions and expert views of the two countries, the author came to the conclusion that despite some differences in Chinese and Russian views, they share common positions on two important matters of globalization and regionalization: globalization should be beneficial to all humanity, and regional integration does not contradict globalization. This provides the basis for cooperation between the two countries in the Eurasian integration processes – the SCO, the EAEU and the BRI.

Keywords: regionalization, globalization, Eurasian integration, China, Russia, Eurasia

References:

1. Baikov A.A. (2012) *Sravnitel'naia integratsiia. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoi Evrope i Tikhookeanskoi Azii* [Comparative Integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific]. M.: Aspekt Press. (In Russian).
2. Bhagwati J. (2014) *The World Trading System at Risk*. Princeton University Press (originally published in 1991).
3. Börzel T.A., Risse T. (eds.) (2016) *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.
4. De Lombaerde P. et al. (2010) The Problem of Comparison in Comparative Regionalism. *Review of International Studies* 36(3): 731–753. DOI:10.1017/S0260210510000707.
5. Geng Xiefeng (2023a) 30 Years of Research on Regionalism in China. *Quarterly Journal of International Politics* 28(4): 54–86. DOI:10.16513/j.cnki.qjip.20221115.001. (In Chinese).
6. Geng Xiefeng (2023b) Ten Debatable Issues on the Study of Regionalism and Their Progress in China. *Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences)* 38(2): 168–182. DOI: 10.13613/j.cnki.qhdz.003235. (In Chinese).
7. Glinkina S.P., Zevin L.Z. (2011) *Evraziia v poiskakh identichnosti* [Eurasia in search of identity]. SPb.: Nestor-Istoriia. (In Russian).
8. Goode W. (2020) *Dictionary of Trade Policy Terms (Sixth Edition)*. Cambridge University Press.
9. Gu Wei (2018) *The China-Russia Strategic Partnership of Coordination and the Evolution of Order in Eurasia*. Beijing: China Social Sciences Press. (In Chinese).
10. Heine J., Thakur R. (eds.) (2011) *The Dark Side of Globalization*. Tokyo, New York, Paris: United Nations University Press.
11. James H. (2017) Deglobalization as a Global Challenge. *CIGI Papers* No. 135 – June 2017.
12. Katzenstein P.J. (1996) Regionalism in Comparative Perspective. *Cooperation and Conflict* 31(2): 123–159.
13. Kochtcheeva L.V. (2020) *Russian Politics and Response to Globalization*. Cham: Palgrave Macmillan.
14. Krotov M.I. (2012) Evraziiskaia ideia – teoreticheskaya osnova evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii [Eurasian Idea – Theoretical Basis of the Eurasian Economic Integration]. *Evraziiskaia integratsiia: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics](12): 158–166. (In Russian).
15. Li Yongquan. (2015) Harmony in Diversity: the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union. *Russian, East European & Central Asian Studies*. (4): 1–6. (In Chinese).
16. Libman A. (2022) Does Integration Rhetoric Help? Eurasian Regionalism and the Rhetorical Dissonance of Russian Elites. *Europe-Asia Studies* 74(9): 1574–1595. DOI: 10.1080/09668136.2022.2120184.
17. Liu Weidong, Michael Dunford, Gao Boyang (2017) Discursive Construction of the Belt and Road Initiative: From Neoliberal to Inclusive Globalization. *Progress in Geography* 36(11): 1321–1331. DOI: 10.18306/dlkxjz.2017.11.001. (In Chinese).

18. Luzianin S.G. et al. (2015) *Shankhaiskaia organizatsiia sotrudnichestva: model' 2014–2015: rabochaia tetr. (Shanghai Cooperation Organization: Model 2014–2015) № 21/2015 [Shanghai Cooperation Organisation: Model 2014–2015: Workbook. No. 21/2015].* M.: Spetskniga. (In Russian).
19. Maksimova M. (2007) K voprosu ob otechestvennoi teorii integratsii [On the Issue of Domestic Theory of Integration]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [Economy and International Relations]* (6): 104–113. (In Russian).
20. Mayer M (ed.) (2018) *Rethinking the Silk Road: China's Belt and Road Initiative and Emerging Eurasian Relations.* Palgrave Macmillan.
21. Shishkov Iu. (2006) Otechestvennaia teoriia regional'noi integratsii [Domestic Theory of Regional Integration: Experience of Past and Vision of Future]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [Economy and International Relations]* (4): 54–63. (In Russian).
22. Shishkov Iu. (2008) Regionalizatsiia i globalizatsiia mirovoi ekonomiki: al'ternativa ili vzaimodopolnenie [Regionalization and Globalization of the World Economy: Alternative or Complementarity?]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [Economy and International Relations]* (8): 3–20. (In Russian).
23. Sopilko N.Yu., Eremina I.Yu., Miasnikova O.Yu. (2021) Protivorechivost' globalizatsii i regional'noi integratsii v kontekste integratsionnykh protsessov EAES [Globalization and regional integration inconsistency in the context of the integration processes of the EAEU]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo» [RSUH/RGGU BULLETIN. Series Economics. Management. Law]* (3): 238–248. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-3-238-248. (In Russian).
24. Talani L.S., Roccu R. (eds.) (2019) *The Dark Side of Globalisation.* Palgrave Macmillan.
25. Trenin D. (2022) «Pereizdanie» Rossiiskoi Federatsii: Kontury vneshnei politiki Rossii dlia perioda gibridnoi voyny ["Reissue" of the Russian Federation: Contours of Russian foreign policy for the period of hybrid war]. *Rossiiia v global'noi politike [Russia in Global Affairs]* 114(2): 27–33. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-27-33. (In Russian).
26. Tsygankov A.P. ed. (2014) *Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika: uchebno-metodicheskii kompleks. [International Relations and World Politics: Educational-Methodological Complex]* M.: ROSSPEN. (In Russian).
27. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2006) *Sotsiologiia mezhdunarodnykh otnoshenii: Analiz rossiiskikh i zapadnykh teorii [Sociology of International Relations: Analysis of Russian and Western Theories].* M.: Aspekt Press. (In Russian).
28. Van Langenhove L., Scaramagli T. (2011) Regional Integration as a Response to Globalization. Heine J., Thakur R. (eds). In: *The Dark Side of Globalization.* Tokyo, New York, Paris: United Nations Press, 191–207.
29. Wang Dong, Li Andi. (2022) On the New Trends of Globalization and Regionalization amid Profound Changes Unseen in a Century. *Contemporary World and Socialism* (4): 21–29. DOI:10.16502/j.cnki.11-3404/d.2022.04.003. (In Chinese).
30. Wang Zhengyi (ed.) (2023) *Rethinking Globalization: Theories, Histories and Prospects.* Beijing: Social Sciences Academic Press. (In Chinese).
31. Witt M.A. (2019) De-globalization: Theories, Predictions, and Opportunities for International Business Research. *Journal of International Business Studies* 50: 1053–1077.
32. Xu Jia, Fu Zheng. (2020) Analysis of the Regionalization Process in the Asia-Pacific Region under the Impact of COVID-19. *Asia-Pacific Economic Review* (6): 17–21. DOI: 10.16407/j.cnki.1000-6052.2020.06.002. (In Chinese).
33. Zagashvili V.S. (2023) Regulirovanie mezhdunarodnoi trgovli: global'nyi i regional'nyi aspekty [Regulation of International Trade: Global and Regional Aspects]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]* (8): 22–32. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-8-22-32. (In Russian).